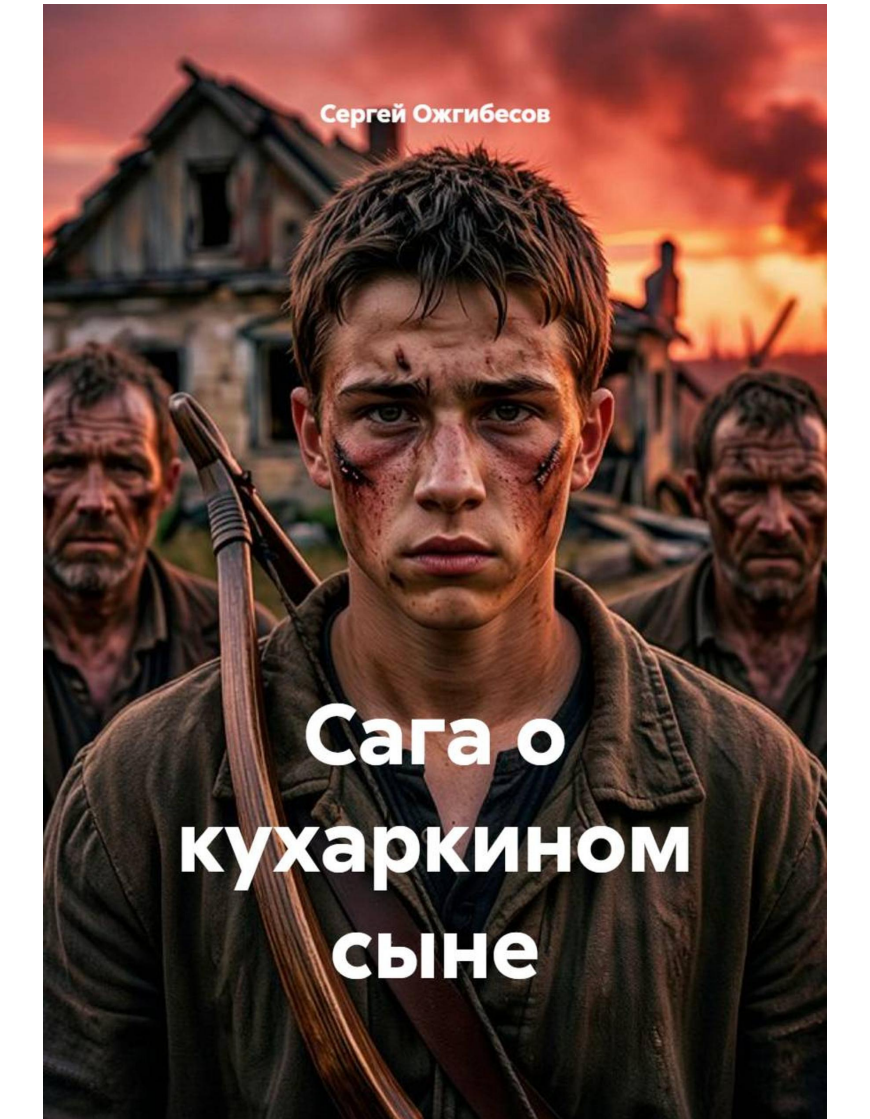

Сергей Ожгибесов

**Сага о
кухаркином
сыне**

Сергей Ожгибесов

Сага о кухаркином сыне

<https://litres.ru/74468844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если твой дом сожгли, родичи исчезли, а из оружия — только лук, из союзников — два ворчливых охотника, а из плана — чистое безумие? Шестнадцатилетний Самбор знает ответ, но вам не скажет. Потому что сам понятия не имеет.

История, которая начинается с подгоревшего пирога и заканчивается... Впрочем, не будем забегать вперёд.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Ожгибесов

Сага о кухаркином сыне

Глава

Глава, в которой вы, уважаемый читатель, познакомитесь с нашим молодым героем

В посаде у крепости Любшанской, где вороны каркали так громко, что даже местные скальды завидовали их голосам, стояла харчевня с нарисованным вертелом, на котором, как предполагал художник, жарился кабан. Впрочем, заезжий с далёкого юга купец опознал в кабане слона и долго объяснял посетителям, что это за диковинное животное. Харчевня эта славилась не только тем, что в ней подавали пироги, от которых у гостей слёзы наворачивались на глаза (и не всегда от счастья), но и тем, что в ней работал юный Самбор — шестнадцатилетний парень, который был живым воплощением хаоса. Его мать, Весняна, была стряпухой, чьи пироги с красной рыбой из Ладоги и зайчатиной могли бы примирить даже самых заклятых врагов. Говорили, что она когда-то пленила сердце залётного викинга, который оставил ей на память не только сына, но и пару серебряных монет. Самбор, впрочем, унаследовал от отца только любовь к приключениям и умение попадать в неприятности.

Хозяин харчевни, Горазд, был человеком с лицом, как у медведя, который только что узнал, что его любимую бочку мёда продали. Он постоянно ворчал, ругался и грозился выгнать Самбора к чертям, но терпел его, потому что пироги Весняны были настолько хороши, что даже холопы местного ярла приходили за ними из крепости. А уж воины ярла и во все считали харчевню своим вторым домом, где можно было не только поесть, но и повеселиться, особенно если Самбор начинал рассказывать свои невероятные истории.

— Самбор! — орал Горазд, когда юноша, тренируясь стрелять из лука, случайно попал стрелой в бочку с пивом. — Ты что, совсем с ума сошёл? Это же мой лучший напиток! Он настаивался три месяца!

— Ну, объективно говоря, — Самбор почесал затылок, прикидывая траекторию отступления, — теперь он настоялся окончательно. Выдержка прервана искусственным путём. Будем пробовать?

— Я из тебя сейчас чучело дегустатора сделаю! — взревел Горазд, хватаясь за ухват, но тут между ними материализовалась Весняна с горячим рыбным пирогом. Ухват со звоном выпал из ослабевших рук хозяина.

В конце концов, ее пироги стоили того, чтобы терпеть выходки её сына.

Самбор, между тем, не ограничивался стрельбой из лука. Он обожал бои на шестах, которые устраивал с местными парнями. Эти бои обычно заканчивались тем, что кто-

нибудь падал в грязь, а кто-нибудь ломал шест. Однажды, во время особенно жаркой схватки, Самбор случайно задел шестом корову Горазда, которая, испугавшись, побежала через весь посад, оставляя за собой след сломанных заборов и перепуганных кур.

— Самбор! — Горазд бежал следом, багровея на глазах. — Ты совсем рехнулся?! Она же мне молоко давала!

— Не переживай, дядька Горазд! — оптимистично крикнул Самбор с безопасного расстояния. — После такой пробежки она тебе сразу масло начнёт сбивать! Прямо в вымени! Экономия на маслобойке!

Горазд только хрипел, как будто пытался проглотить целый каравай хлеба, и шёл жаловаться Весняне. Но та, как всегда, только улыбалась и говорила:

— Ну что поделать, Горазд, парень растёт. Викинг в нём говорит.

— Викинг?! — Горазд хлопал себя по лбу. — Да он у меня весь посад разорит! Скоро и крепость развалит!

Но, несмотря на все свои проделки, Самбор был душой компании. Местные парни обожали его за смелость и умение превращать любой день в приключение. Даже Горазд, хоть и ворчал, но в глубине души понимал, что без Самбора харчевня стала бы скучным местом, где единственным развлечением было бы наблюдать, как мухи кружат над супом.

И вот уже пару лет Горазд отправлял Самбора бить зайцев в местные леса. Это было его способом избавиться от юно-

ши на несколько часов, а заодно и пополнить запасы мяса для пирогов. Самбор, впрочем, относился к этому как к очередному приключению. Он брал лук, стрелы и отправлялся в лес, где, помимо зайцев, находил массу других интересных вещей — то грибы, то ягоды, а то и следы какого-нибудь зверя, который, по его мнению, мог бы стать отличным трофеем.

Однажды, вернувшись из леса с парой зайцев, Самбор увидел, что в харчевне собрались воины ярла. Они сидели за столами, ели пироги и смеялись над его историями. Горазд, хоть и ворчал, но был доволен — ведь каждый воин оставлял в харчевне пару монет.

— Ну что, Самбор, — сказал один из воинов, — расскажи, как ты сегодня зайцев бил. Может, опять медведя встретил?

— Нет, — отвечал Самбор, улыбаясь своей знаменитой улыбкой, — сегодня был заяц. Но такой хитрый, что я чуть не потерял его в лесу. Пришлось стрелять на бегу.

— На бегу? — удивился воин. — И попал?

— Обижаешь. Попал, конечно. Но заяц оказался с чувством юмора — решил, что это салочки, и удрал вместе со стрелой. Пришлось пол дня за ним по бурелому скакать, пока он от смеха не выдохся.

Все засмеялись, а Горазд только покачал головой, но в его глазах мелькнула тень улыбки. В конце концов, он знал, что Самбор — это не просто разрушитель, а часть его харчевни. И пока Весняна готовит свои пироги, а воины ярла приходят

сюда, чтобы послушать истории Самбора, всё будет хорошо. Ну, или почти хорошо.

Глава, в которой Самбор знакомится с медведем и нерпой

Юный Самбор, чья храбрость пока что ограничивалась ловлей карасей в реке и стрельбой по зайцам в ближайшем лесу, вдруг оказался в компании двух бывалых охотников — Горислава и Добролюба. Эти двое, как истинные мастера своего дела, решили, что пора бы Самбору познать настоящую мужскую работу — охоту на медведя. Тем более что их третий товарищ занемог. А куда же без него? Ведь в местечке под названием Белое колено, куда они направлялись на своей сойме, видели косолапого. И не просто видели, а говорили, что он такой огромный, что даже волки от него шарахаются.

Пока их сойма десять часов рассекала волны озера Нево, Самбор меланхолично размышлял о бренности бытия и о том, как его тонкая шея будет хрустеть в объятиях косолапого.

— Не кисни, отрок! — Горислав ободряюще хлопнул его по спине, едва не выбив за борт. — Медведь — животное интеллигентное. Сперва порычит для проформы, а потом сам дёру даст. Главное — не лезть к нему обниматься, они фамильярности не любят.

— А если всё-таки полезет? — сглотнул Самбор.

— На этот случай у нас есть я и рогатина, — хмыкнул от руля Добролюб. — Ну и петля. Мы его стреножим, повяжем, а ты из лука — хлоп! И герой. Делов-то.

Высадившись на белоснежных песках Белого колена, охотники углубились в сосновый лес. Голубика, брусника, черника — всё это росло в изобилии, и Самбор то и дело норовил набить рот ягодами, пока Горислав не одёрнул его:

— Эй, юноша, мы сюда не по ягоды пришли. Хрустнешь веткой — медведь тебе эту голубику прямо в... уши засунет.

Следы косолапого они нашли быстро. Крупные отпечатки лап вели вглубь леса, и охотники, вооружившись луками, рогатинами и нервами из стали, двинулись по ним. Зверя нашли в густом малиннике. Медведь, размером с хорошую крестьянскую избу, меланхолично обгладывал кусты и выглядел так, будто в его планы стрелы и рогатины сегодня не входили.

— Ну, Самбор, твой черёд! — прошептал Горислав. — Стреляй и беги, как ветер!

Самбор, почти не дрогнувшими руками натянув тетиву, выпустил стрелу. Она вонзилась медведю в бок, и зверь, взревев, бросился в сторону охотников. Юноша, как и договаривались, пустился наутёк, но медведь, видимо, решил, что бегать за легконогим Самбором — это не по-медвежьи, и развернулся в сторону Добролюба.

Добролюб, который должен был затянуть верёвочную петлю, не успел. Медведь набросился на него, и в следующие секунды лес огласился криками, рычанием и проклятиями. Самбор, резко затормозив, развернулся и с пулеметной скоростью всадил в необъятный зад медведя еще три стрелы.

Горислав с боевым кличем вогнал рогатину, а помятый Добролюб добавил ножом. Косолапый, осознав, что нарвался на неадекватных маньяков, обиженно хрюкнул, попытался сжевать древко рогатины и рухнул замертво.

— Ну вот, — философски изрёк Горислав, вытирая пот и стряхивая с бороды хвою. — А ты боялся. Как по нотам разыграли.

— Особенно ту часть, где я выступал в роли приманки и потерял половину штанов, — мрачно отозвался из кустов Добролюб, заматывая царапины подорожником.

Ночь прошла у костра под яркими звёздами. Добролюб, несмотря на крупные царапины, шутил:

— Медведь, конечно, силён, но против нашей тройки он был бессилен!

Утром, загрузив на лодку тушу медведя и шкуру, охотники отправились домой. Самбор, глядя на бескрайние воды Нево, думал о том, что теперь он не просто юный рыбак, а настоящий охотник. И кто знает, какие ещё приключения ждут его впереди? Может, следующий медведь будет ещё больше. Или, может, это будет не медведь, а что-то совсем другое...

Лодка отчалила от берега, и встречный ветер, словно в знак одобрения, полностью стих. И Нево встретила их спокойной гладью. Гребли по двое, попеременно сменяя друг друга. Как известно, это озеро славится своим переменчивым нравом. Через пару часов хода небо начало хмуриться, а ветер усилился, задувая в борт. Волны стали подниматься

выше, и лодка начала подпрыгивать и раскачиваться на воде, как ореховая скорлупка.

— Эх, Нево-Ладога, ты как женщина: сегодня ласковая, а завтра — буря! — крикнул Горислав, пытаясь направлять лодку под сорок пять градусов к волнам.

Самбор, который до этого чувствовал себя уверенно, начал слегка нервничать. Он вцепился в вёсла так, что побелели костяшки. — Спокойно, молодежь! — веселился Добролюб, сверкая прорехами в штанах. — От медведя ушли, от воды и подавно уйдем!

В этот момент вода рядом с бортом вспучилась, и на свет божий вынырнула усатая морда размером с хороший бочонок. Огромная ладожская нерпа с любопытством уставилась на пассажиров. — Вот это карась... — поперхнулся Горислав. Нерпа, видимо решив, что лодка — это такая большая странная самка, игриво боднула борт носом. Сойма опасно накренилась. Самбор, недолго думая, перехватил весло как дубину и ткнул морское чудище в нос.

— А ну брысь, ихтиандр недоделанный!

— Эй, водяная собака! — Добролюб замахал ножом. — Мы невкусные, мы же медведем пахнем!

Нерпа фыркнула, окатив их водой из презрения, и грациозно ушла на глубину.

— Ну всё, Самбор, — заржал Горислав, вытирая мокрое лицо. — Теперь имеешь полное право травить девкам байки, как ты морского змея веслом по сусалам бил.

К вечеру они добрались до родного берега. Жители деревни, увидев их добычу, ахнули. Медвежья шкура и мясо стали предметом всеобщего восхищения, а Самбор, хоть и старался держаться скромно, чувствовал, что его статус в деревне значительно вырос.

На следующий день, сидя у них в харчевне, Горислав сказал:

— Знаешь, Самбор, охота — это не только про добычу. Это про дружбу, про смелость и про то, что даже самый страшный зверь или самая большая рыба не страшны, если ты не один.

Самбор кивнул, глядя на огонь. Он понимал, что эта охота стала для него не просто приключением, а уроком, который он запомнит на всю жизнь. А где-то в глубине души он уже мечтал о новых странствиях, новых друзьях и, конечно, новых медведях. Или нерпах. Или... кто знает, что ещё приготовила для него Нево — будущая Ладога?

Глава, в которой обычная охота оборачивается бедой

В тени вековых деревьев, где шептали ветры и пели птицы, три охотника, каждый со своей судьбой, собрались на лосиную охоту. Горислав, как самый пожилой и мудрый из них, с бородой, как снег, был хранителем древних традиций. Его товарищ, здоровяк Добролюб, в расцвете сил, с огнём в глазах и смехом, который мог растопить лёд, был полон надежд и мечтаний. А рядом с ними, юный Самбор, которому уже исполнилось семнадцать лет, с лицом, как утренняя за-

ря, был полон юношеского задора и стремления к приключениям.

День обещал Самбору не только славу среди сверстников, но и отличный ужин в харчевне у Горазда. Лес, как всегда, был щедр на дары, и вскоре охотники возвращались с добычей, гордо везя её на лодке по реке Ольховой (Волхов). Вода весело плескалась о борт, а в воздухе витал запах свежей хвои и дикой природы.

Но когда они приблизились к городищу, что-то в воздухе изменилось. Густой дым поднимался к небу, словно чёрные тучи, предвещающие бурю. Охотники насторожились и, завернув за поворот реки, увидели, как вода у посада запружена лодками, словно рыба в сети. На берегу стояли вытасканные на сушу лодки, а вдалеке, среди пламени и дыма, виднелись фигурки воинов.

— Приехали, — севшим голосом констатировал Горислав. — Штурм.

— Кривичи с корелой, — Добролюб сжал кулаки так, что хрустнули пальцы. — Князь Вадим пожаловал. Датчанам в крепости сейчас очень жарко. Самбор похолодел. Датчане датчанами, но в посаде были мать, Горазд, харчевня! — Нам нужно скрыться! — шепнул Самбор, указывая на камыши, которые росли неподалёку.

Охотники зашли на лодке в заросли, стараясь не привлекать внимания. Их сердца колотились в унисон с ритмом природы, когда они, затаившись, наблюдали за происходя-

щим. Сквозь камыши они видели, как где-то вдалеке воины сражались, как пламя пожирало дома, а крики раздавались в воздухе. Горислав, сжимая кулаки, шептал молитвы Сварогу за тех, кто остался в крепости, а Добролюб, сжимая копье, готовился к возможной драке.

— Мы не можем оставаться здесь! — произнёс он, когда огонь охватил ещё один дом. — Нам нужно вернуться в городище и попытаться хоть кого-то из своих спасти!

Согласившись, охотники выбрались на берег и, что есть духу, припустили по лесу к городищу. Лес, казалось, был их единственным другом, укрывая от глаз врагов. Они бежали, как ветер, и вскоре достигли опушки, где затаились, наблюдая за штурмом крепости. Они затаились в зарослях. Наблюдать, как горит твой дом — удовольствие ниже среднего.

— Надо туда, — голос Самбора дрожал, но в глазах горел отчаянный огонь. — Мы не можем тут сидеть, как утки в камышах!

— Юноша, твой героизм сейчас поможет только воронам устроить внеплановый банкет, — осадил его Горислав. — Нас трое. Их... много. Надо думать головой, а не шилом в известном месте.

Из кустов, ломая ветки и разрушая всю конспирацию, вывалился человек. Кожаный доспех залит кровью, рука зажимает пробитую шею. Знакомый датчанин из гарнизона крепости.

— О, местный молодняк, — прохрипел дан с сильным ак-

центом, сползая по стволу сосны. — Не ходите туда. Там Вадим... все умрут. Если я сдохну, передайте Рагнару Лодброкку... — он сглотнул кровь, — что его сын Хвитсерк...

Датчанин закатил глаза и отключился. Горислав быстро нашёл припасённый ранее целебный лист и прислонил его к ране дана. А потом всё крепко забинтовал теми тряпками, что у них нашлись. Дан был без сознания.

Тут Самбор вспомнил, что Хвитсерком звали ярла, что был главным в крепости. Самбор был сам из словен. И данов ему особо жаль не было, заносчивые они всё же были. Но харчевня выживала в городище именно благодаря им. И мать, а также друзья его, были там, в пожаре.

— Так, славяне, — старик поднялся, в глазах его заплясали опасные искры. — Мы с ними говорим на одном языке. План такой: мы теперь — кривичи. Свои в доску. Идём в разведку и пытаемся вытащить наших.

Туман над рекой Ольховой, которую варяги звали Волховом, стелился, как саван над усопшим воином. Трое мужей, спрятавшихся в чащобе, что в трёх днях хода от Ильменя-озера, шептались меж собой, будто воры у алтаря Перуна.

— Ракомцы, — выдохнул Добролюб, поправляя бронзовый обруч на голове — знак старшины верви Городка. — Пусть Стрибог поможет нам свершить дело. Горислав, чья седина помнила ещё походы любшанских данов на местную чужь, хрипло рассмеялся, обнажив клык, сломанный в бою:

— А коли спросят, отчего у ракомцев топоры с клеймом

Городка? — Скажем, что отбили! — вскинул голову Самбор, чьи пальцы дрожали на луке из ясеня.

Далеко уйти не удалось. На опушке им преградил путь патруль из троих здоровенных кривичей.

— Стоять! Вы чьих будете? — рывкнул старший, размером напоминающий того самого медведя с Ладogi.

— Из Ракома мы, браток, — Самбор постарался сделать лицо максимально простым и бандитским, чувствуя, как по спине течет холодный пот.

— Бреешь! — кривич поднял секиру. — Ракомские мы! А вы, крысы, из Городка! Бей датских прихвостней!

Диалог не задался. Самбор, не тратя времени на дискуссии, всадил стрелу прямо в открытый рот стоящего рядом лучника. Тот булькнул и осел. Горислав принял на копье удар секиры великана. — Ну давай, попляшем, косолапый! — крикнул старик, пытаясь подрезать врагу ногу, но копье лишь стукнуло о плотную кожу на голени. — Старый дурак! — зарычал великан.

Добролюб тем временем метнул своё копье во второго лучника, заставив того уйти в пережат, и тут же сошелся с ним врукопашную.

— Твоя мать целовалась с болотными кикиморами! — орал кривич, пытаясь достать Добролюба ножом.

— А твоя, — Добролюб с хрустом укусил врага за запястье с ножом, — целовалась со мной! Это гораздо обиднее!

Самбор, поймав момент, когда великан размахнулся для

удара по Гориславу, пустил вторую стрелу ему под колено. Гигант рухнул с грацией спиленного дуба и Горислав его тотчас добил. Оставшегося противника Добролюб просто приложил подобранным с земли камнем по лбу.

Спеленав пленного его же поясом, троица оттащила его в кусты к воде. Добролюб ласково приставил нож к горлу очнувшегося кривича:

— Значит так, земляк. У нас викторина. Вопрос один: куда увели посадских? За неправильный ответ — отрезаю ухо. За молчание — два.

— В село Холопье... — засипел пленный, косясь на нож. — Продавать будут.

— Варианта три, — Добролюб повернулся к своим. — Либо в Холопье, либо разбежались по лесам, либо успели укрыться за стенами у датчан. Самбор до хруста в пальцах сжал в руке лук. — Если в Холопье...

— Если в Холопье, — жестко перебил Горислав, закидывая копье на плечо, — то мы устроим там такой Рагнарёк, что местный ярл обзавидуется. Грузимся в лодку. Ночь будет долгой.

Пленного оставили связанного с тряпкой во рту в кустах. Друзья нашли свою сойму, и лодка скользнула в надвинувшиеся сумерки.

А в крепости, где датские вои лежали раненые у избы, человек с лицом Горазда лил воду в чаши, шепча: — Ничего. Отобьёмся. И в подполье, где пахло сыростью и надеждой,

женщина с полуседыми косами плела из соломы фигурку сына. «Самбор... Твой лук теперь — мои руки. Стреляй метко».

(Примечание историка: Верви — общины древних славян; Чур — божество границ.)

Глава, в которой наши герои проникают в Любшанскую крепость

Ночь заботливо укрыла землю чёрной шалью, но трём темням, крадущимся в лодке под луной, было не до романтики.

Горислав, чья борода в темноте напоминала спутавшийся корень дуба, недовольно кряхтел, мысленно склоняя по матери датские гарнизоны, кривичей и сырость.

— Ты бы, дед, режим тишины включил, — прошипел Добролюб. В своём плаще из волчьих шкур он сам смахивал на крупного, слегка нервного хищника. — Услышат же!

— Услышат?! — возмущенно фыркнул старик. — Да я на медведя с рогатиной ходил, когда их деды ещё под стол пешком бегали! Я сама бесшумность! Самбор, сжимая древко рогатины, только обреченно вздохнул. Споры этих двоих по уровню аргументации могли посрамить любое вече и длиться до второго пришествия Перуна.

План по спасению был безумен, как хоровод медведей на весеннем льду: проскользнуть в крепость прямо по реке, которая сейчас больше напоминала суп с клёцками из-за кишачи-щих лодок осаждающих кривичей. — Светляки! — вдруг на-прягся Добролюб, указывая на мерцающие огоньки. — Вся

флотилия в сборе. Кружат у стен, как голодные щуки. — Ну что, пошли в гости? — Горислав плотоядно осклабился и выудил из мешка три рубахи с характерной славянской вышивкой.

— И когда ты только успел их снять? — изумился Самбор, натягивая пропахшую чужим потом ткань. — Жизненный опыт и ловкость рук! — гордо отрапортовал старик. — Гребём!

Под покровом темноты и наглости они нагло вклинились в цепь вражеских лодок, с таким видом, будто патрулировали здесь со времен сотворения мира.

— Эй, вы чьих будете?! — окликнул их бородатый амбал с соседней соймы, подозрительно вглядываясь в темноту.

— Люди Лютоволка! — не моргнув глазом соврал Добролюб, поминув недобрым словом воина, которого они успокоили вечером на опушке.

— Чего-то я тебя не признаю... — амбал нахмурился и потянулся за факелом.

Пахнуло провалом операции. Самбор, не тратя времени на дипломатию, нащупал на дне увесистый булыжник и метко швырнул его в воду подальше от лодки. Раздался громкий всплеск.

— Щука! — истошно завопил юноша. — Мужики, глядите, во-о-от такая пошла! Суматоха вспыхнула мгновенно. Древний рыбацкий инстинкт напрочь отключил воинскую дисциплину, и половина патруля чуть не перевернула лодки,

высматривая мифического монстра.

К утру бдительность стражей окончательно уступила место усталости и туману. — Пора, — скомандовал Горислав. Их лодка отделилась от флотилии и бесшумно скользнула к крепости, хотя и жалобно поскрипывала под весом Добролюба.

— Тебе бы, детина, на диете посидеть, — проворчал старик, вытирая брызги. — Мы из-за твоей кормы осадку дали, как купеческий коч.

— Ещё слово, и поплывёшь брассом, — пообещал великан.

Высадились у остова сгоревшего драккара, чьи обугленные шпангоуты торчали из воды, как рёбра гигантского левиафана. Горислав приложил палец к губам и указал на не приметную калитку с облупленным драконом. Тишину разорвал громогласный бас — из тени материализовался волкодав размером с хорошего телёнка. Добролюб инстинктивно перехватил рогатину, но Самбор шагнул вперед и деловито сунул в зубастую пасть заранее припасенную краюху хлеба с остатками мясной подливки.

— Местная агентура? — хмыкнул старик, глядя, как машина для убийств благодарно виляет хвостом.

— Постоянный клиент, — скромно потупился юноша. — Я его пирогами подкармливал.

Горислав выстукал по калитке сложный ритм. За дверью лязгнуло.

— Кого там демоны принесли в час пса?! — прохрипел из-за досок негостеприимный голос.

— Торговцев неприятностями и старых друзей! Отворяй, пока мы не передумали вас спасти! — огрызнулся Горислав.

Люк со скрипом отъехал. На них уставился седой датчанин с топором.

— Горислав? Да ты, старый пень, еще коптишь небо?!

— А ты, Ульф, всё так же обаятелен, как драконья подмышка! — радостно оскалился Добролюб.

В крепость их втащили через замаскированный жёлоб, который в мирное время служил для сброса нечистот.

— Шикарный вход, — оценил Самбор, стараясь не дышать носом. — Главное, торжественный.

Их встретил сам ярл Хвитсерк — фигура монументальная, с лицом, словно грубо вытесанным из скандинавского гранита.

— Это Вадим, князь ракомский войско привел. — с ходу перешел к докладу Добролюб. — Это он тут банкет заказал. Ваш лазутчик в лесу про засады бормотал... Брови ярла сошлись на переносице в одну суровую линию:

— Если мой человек мёртв...

— Жив, но нуждается в штопке, — встрял Самбор. — Мы его перевязали.

Хвитсерк ушёл, не попрощавшись, а Ульф мрачно протянул:

— Муки и вяленой рыбы — на три дня. Мёда — на веселье

одной ночи. Если ракомцы до заката третьего дня не снимут осаду...

– Пойдём в твою Вальхаллу с песней! – рявкнул Добролюб, хлопнув кулаком по бочонку, из-под крышки которой жалобно брызнул эль.

– А Весняна здесь? – внезапно спросил Самбор, стараясь говорить не дрогнув. – И Горазд, харчевник...

– Твоя мать у печи бьётся, – усмехнулся Ульф. – Вчера кашу сожгла – теперь весь гарнизон зубы полощет!

Юноша рванул к кухне, где Весняна, худая как жердь, уже замахивалась на него со слезами, но с половником:

– Где пропадал, змеёныш?! Горазд же, толстый харчевник с бородой в крошках, просто сунул ему в руку пирог: – Ешь, герой.

– А наши-то? – Горислав, обыскав крепость, вернулся с пустыми руками. – Ни сестры, ни брата...

– Корелы увели их к Ильменю, может, в Холопье, – ответил стражник, чистя ноготь кинжалом. – Говорят, для жертвы Велесу и Перуну или на продажу...

Добролюб вдребезги разбил кувшин об стену:

– Значит, у нас три дня, чтобы спасти родных и эту крепость?

– Или умереть славно! – Горислав достал из кармана чёрствый сухарь. – Но сначала перекусим.

Самбор же, глядя как мать ругается с даном, впервые за неделю улыбнулся: пока живы эти люди – есть ради чего сра-

жаться.

Утро началось с ливня стрел – ракомцы осыпали стены, словно саранча пшеничное поле. – Головы ниже! – кричал Хвитсерк, но уже поздно: трое защитников рухнули с парашютов, пронзённые засвистевшими смертями. А их и так было немного. Всего несколько десятков, включая небольшой хирд Хвитсерка. А людей Вадима было полтысячи.

Горислав, прижавшись к зубцам, злобно усмехнулся:

– Перун, видать, их лукам благословение дал! Добролюб, укрываясь за щитом, в который впилося пять стрел, рычал:

– Не поднимать головы, Перун — как драться?

– А никак! – Самбор, вынырнув из-за укрытия, выпустил стрелу в одного из лучников. – Это ловушка!

Пока защитники прятались, славяне кинули хворост в ров и ринулись на штурм. – Они на стенах! – завопил Ульф, но его голос потонул в рёве сотен глоток.

Горазд, толстый харчевник, махал топором, как половником:

– Не для вас, гады, мои пироги пёк!

Стрела впилась ему в глаз, отбросив тело к ногам Самбора.

– Нет! – закричал юноша, но Добролюб уже тащил его к лестнице – битва кипела, как котёл над адским пламенем.

Несколько раз хирд Хвитсерка очищал стены от нападавших, но новые волны славян постепенно накрывали его превосходных, но малочисленных воинов. Потом начался бой

во дворе и за каждую жилую постройку, и за баррикады, которые успели навалить защитники. К вечеру крепость почти пала. Последние защитники, обливаясь кровью, отступили в речную башню.

— Где Весняна? — кричал Самбор и Горислав, но никто не видел женщины. Кто-то крикнул, что видели её платок у люка в подполье — словно сама Хель утащила её в небытие.

Ночь. Битва затихла. Вадим, видимо, решил добить последнюю башню утром. Три тени скользнули к воде, держа в зубах полые стебли камыша.

— Дышите тише, чем мышь в совином гнезде, — прошипел старый рыбак. Они исчезли в чёрной воде, оставив за спиной пылающие руины и вопли пьяных победителей.

Хвитсерк же, отправив охотников за помощью, с остатками своего хирда, решил им помочь, отвлекая врагов внезапной яростной атакой. Сокрушивший в тот день с десятка два врагов, он бился как подобает сыну Лодброка: — Ко мне, волки! — ревел он, рубя мечом по щитам и ногам. И ведь каждый второй удар находил цель. Он ещё и щитом прикладывал своих врагов, выбивая им зубы. — Покажу вам, как брали Париж! — кричал он.

Вскоре с ним остались лишь трое, а потом и они пали. К Хвитсерку боялись подойти. И тогда Вадим приказал его забросать рыболовными сетями. Пока тот пытался из них выпутаться — несколько оглоблей начало охаживать свирепого викинга. И он упал. Трое славян тотчас скрутили его верёв-

ками, но прежде чем потерять сознание, ярл успел боднуть одного из них головой в шлеме, сломав ему нос.

Горислав, Добролюб и Самбор, спрятавшись в камышах, наблюдали, как ракомцы тащат пленника из крепости к костру в лагере Вадима. — Будем выручать? — спросил юноша, сжимая рукоять ножа. — Сначала выживем, — проворчал старик, — а потом... Ну, ты знаешь мои принципы. Добролюб вытащил из кармана кусок мокрого пирога Горазда: — Ешьте. Силы нужны.

Луна, будто щит Валькирии, осветила реку — где-то в глубине шевелился камыш. Последние защитники выбирались к свободе. Прошло пару дней и кривичи покинули сожженую крепость. А тройка, затаив дыхание, готовила новые планы.

Туман цеплялся за горящие стены, словно призраки павших не желали покидать руины. Горислав ковырял лаптем в пепле: «Ищи её платок... или кости. Всё, что осталось».

Самбор, бледный как лунный свет, опустился на колени в серый, ещё обжигающий руки пепел. Его трясло. Здесь, где теперь пахло гарью и смертью, всего пару дней назад пахло маминой сдобой, жареной рыбой и домашним уютом. Это был его дом. Его мир. Юноша слепо шарил среди углей, сдирая кожу на костяшках, пока пальцы не наткнулись на треснувший, обгоревший горшок из материнской кухни. Самбор судорожно прижал грязный черепок к груди, и из горла вырвался хриплый, надломленный стон. Слезы прочертили светлые дорожки на измазанном сажей лице. "Мама..."

— одними губами прошептал он, раскачиваясь из стороны в сторону. Ему казалось, что вместе с веселой харчевней дотла сгорела и его собственная душа. Лишь спустя долгое время, стиснув зубы до тупой боли в челюсти, он заставил себя подняться. Смахнув слёзы грязным рукавом, Самбор достал из-под завалов припрятанный перед побегом лук. Теперь это было не просто оружие. Это было всё, что у него осталось.

«Они сожгли всё», — глухо прошептал Добролюб, разглядывая обгоревший череп какого-то датчанина. «Нет», — думал он, подняв обугленную братину, «сожгли только тела и город. Но наша месть — она не сгорит так просто». У колодца нашли Любавин платок — вышитые волки теперь чернели, будто проклятые.

— Может, сбежала? — надежда в сорванном голосе Самбора дрогнула, как первый лёд на реке. — Или стала тенью, — проворчал Горислав, кидая в воду камень. — Выбирай, что легче носить. У развалин кузницы Добролюб выловил из пепла чей-то боевой топор — рукоять с датской меткой. «Он будет моим», — рыкнул великан, засовывая трофей за пояс.

Когда солнце достигло зенита, троица собралась у сгоревших ворот:

— Ну что ж, — Горислав посмотрел на север. — Рагнар Лодброк должен узнать, что его сына взяли в плен. Самбор, ты пойдешь к варягам на Ореховый остров.

— А вы?!

— А у нас путь в село Холопье. Надо забирать своих, пока

их в жертву не принесли или в цепи не заковали, — Добролюб тяжело хлопнул парня по плечу. — Встречаемся у охотничьей заимки на реке Осьма. Если выживем.

— Имей в виду, — Горислав сунул Самбору мешочек с сушеным мясом. — Умрешь по дороге — лично найду в Нави и уши надеру!

Когда Самбор скрылся из виду, старик вздохнул:

— Дитя ещё зелёное. Доберётся ли?

— Должен, — буркнул Добролюб, разминая плечи. — Нам же пора к болотам — там тропа на Осьмь. Они уходили на восток, когда ветер донёс крики и запах гари с Волхова — ракомцы праздновали победу. «Пойте, псы, — прошипел Горислав, — скоро завоюете иначе».

Где-то у озера Ильмень князь Вадим поднимал рог с медовухой:

— За моего будущего зятя!

Связанный в позе гусеницы Хвитсерк только презрительно сплюнул:

— Я лучше с росомахой обнимусь, чем на твоей дочке женюсь, политик недоделанный.

Глава: Встреча на Ореховом острове

Огромное озеро Нево играло с Самбором, как медвежонок с ульем. С утра озеро ласково подталкивало его лодчонку под лёгким ветерком, а солнце золотило воду, заставляя её искриться, словно рассыпанные монеты. Самбор черпал берестяным ковшиком просочившуюся воду, бросая недоволь-

ные взгляды на старую лодку, и, гребя своим веслом, повторял про себя как молитву: «Доплыву. Найду варягов. Спасу своих».

Но к полудню ветер сменил нрав. Волны начали швырять утлое судёнышко, а берестяной ковшик так и мелькал в руках парня, не успевая справляться с потоками воды. Когда туман рассеялся, перед ним возник Ореховый остров — весь в шрамах-ущельях, будто старый воин. Самбор вытащил лодку на берег и принялся разводить костёр.

Не успел огонь разгореться, как услышал треск веток.

— Эй, лодочник! — раздался резкий девичий голос. Из чащи вышла девушка с луком наизготовку. Она была прекрасна, как лесной пожар — рыжие волосы, собранные в беспорядочные космы, скулы, будто высеченные из камня, и тёмные глаза, в которых читалась дерзость. На шее болталось ожерелье из медвежьих когтей.

— Руки в гору! — приказала она.

— Я не враг! — Самбор поднял ладони.

— Враги так обычно и орут, — фыркнула незнакомка, но немного опустила лук. — Откуда плывешь?

— Из-под Любшанской крепости...

— Так это твой городок Вадим недавно спалил?

Самбор кивнул:

— Он увёл мою мать и родичей. А я плыву к варягам за помощью.

Девушка громко рассмеялась:

— На этом корыте? Да тебя первые же разбойники на кол посадят, или в холопы продадут, а если Неву пройдёшь, то в море утонешь! — Лучше попытаться, чем сидеть сложа руки!

Она задумалась, потом сказала:

— Ладно. Помогу. Но сначала докажешь, что не сдрейфишь, — весёлые искорки при этом заиграли в её глазах.

— Какая проверка?

— Видишь тот орешник? — она показала рукой. — Там медведь мой любимый орешник разоряет. Выгони его — и провожу тебя до самого синего моря, минуя все заставы.

Самбор посмотрел на орешник, откуда действительно доносилось громкое чавканье.

— И как его выгонять?

— Как знаешь! — девушка лукаво ухмыльнулась.

— Но если испугаешься, можешь сразу обратно в Любшу плыть.

Самбор глубоко вздохнул, взял лук и направился к орешнику. "Ну что ж... Если это цена за помощь — придётся с медведем познакомиться". Девушка же, скрестив руки, наблюдала за ним. В её глазах читался немой вопрос: "А потянет ли паренёк?"

Самбор глубоко вздохнул. Он осмотрел свои скромные запасы: лук, три стрелы, рогатину... Нет, стрелы жалко тратить. Тогда он подобрал несколько увесистых камней и, держа рогатину наготове, стал осторожно приближаться к орешнику.

Медведь, здоровенный бурый лакомка, сидел на задних лапах и с явным удовольствием уплетал лесные орехи, громко чавкая и бросая скорлупу под ноги.

Первый камень упал в двух шагах от зверя. Медведь только насторожил уши. Второй камень — уже ближе — заставил его недоверчиво повернуть голову. Третий шлёпнулся прямо перед его лапами.

— Эй, косолапый! — крикнул Самбор, бросая очередной камень. — Марш отсюда! Медведь нехотя поднялся на все четыре лапы, явно недовольный таким бесцеремонным прерыванием трапезы. Он фыркнул, повернулся к Самбору и сделал несколько шагов в его сторону, ворча и принюхиваясь.

Сердце парня застучало как бешеное, но он крепче сжал рогатину и сделал шаг навстречу: — А ну пошёл вон! — заорал он во всю мощь лёгких, топая ногой и размахивая оружием.

Медведь остановился. Почесал задней лапой за ухом. Презрительно фыркнул, всем своим видом показывая, что с психически неуравновешенными связываться себе дороже, развернулся и развалистой походкой скрылся в лесу. Самбор стоял, пытаясь унять дрожь в коленях, когда сзади раздались жидкие аплодисменты.

Самбор стоял, дрожа от адреналина, когда услышал за спиной хлопки.

— Bravo, маэстро! — девица подошла ближе. — Особен-

но впечатлил тот момент, где ты пытался запугать его мелкой вибрацией нижних конечностей.

— Ничего я не вибрировал! — возмутился Самбор, стараясь расслабить сведенные мышцы. — Это... тактический прием. Обманный маневр!

— Я так и поняла, — хмыкнула она. — Ладно, зачёт сдан. Как звать-то тебя, укротитель? — Самбор. А тебя?

— Лепава. Но для тех, кто не боится медведей — просто Липа.

Она достала из мешка изрядный кусок копченой рыбы и протянула парню: — Угощайся, герой. Завтра на рассвете выступаем.

Самбор впился зубами в рыбу, чувствуя, как отпускает напряжение. Похоже, боги всё-таки сжалились над ним, послав не просто провожатого, а девицу с луком, когтями и напрочь отсутствующим инстинктом самосохранения. То, что нужно для хорошего приключения!

Глава: Сплав по Неве и Лисий остров

Трое суток они неслись по тёмной Неве. При попутном ветре лодка неслась по волнам с грацией хромой блохи, а в темноте Самбор иногда подумывал, что умереть на берегу от меча было бы как-то солиднее.

- Твою мать! - рявкнула Лепава в первую же ночь, когда днище со скрежетом проехало по камням, и лодку подбро-

сило так, что у Самбора клацнули зубы. - Греби влево, сухопутное недоразумение!

Самбор вцепился в вёсла, чувствуя, как ледяная вода заливает за шиворот. Лодку кренило и крутило, как щепку в водостоке, пока Лепава, матерясь сквозь зубы, не выровняла курс.

- Ты... - выплюнул воду Самбор, когда они чудом выскочили на спокойную гладь. - Ты вообще знала, что тут пороги?!

- Обижаешь, — Лепава невозмутимо отжала мокрую косу.
- Конечно, знала.
- А предупредить?!
- А зачем? Ты бы начал нервничать, грести невпопад. Зато ночью разбойничьи дозоры спят!

Дозоры, как выяснилось на следующую ночь, страдали бессонницей. Из прибрежных кустов раздался хриплый бас: - Эй, на лодке! А ну к берегу, быстро, кому сказано!

Лепава мгновенно рыбкой скользнула на дно.
- Падай и гребь! - прошипела она.
- Как можно падать и грести одновременно... - начал было Самбор, но над ухом противно свистнуло. Стрела с глухим стуком вошла в борт в дюйме от его колена. Самбор понял,

что анатомически невозможное вполне осуществимо, и налег на весла, практически распластавшись по скамье.

- Мазилы криворукие! — радостно завопила Левава в темноту. - Бабку свою стрелять учите!

- Ты безумная ?! - взвыл Самбор, чудом уворачиваясь от свиста новой стрелы. — Ты им криком ориентир даешь! - Я бью по их морали! - гордо заявила она, впрочем, голову не высовывая. - Гребни на стрежень, нас сносит!

К утру третьего дня Нева расползлась вширь, а берега уныло осели. Самбор сидел, тупо глядя на свои ладони, покрытые новыми мозолями. Вода вокруг изменила цвет и запах. Вместо привычной речной тины потянуло чем-то водорослево-соленым.

- Да, - ухмыльнулась Левава, заметив, как он принюхивается. - Балтика.

- Пахнет так, будто тут что то сдохло честно признался Самбор.

- Ни черта ты не понимаешь в романтике, сухопутная крыса. Это дыхание моря.

Невская губа встретила их густым туманом. К полудню белесая муть неохотно рассеялась, обнажив длинный, плоский остров.

- Котлин, - возвестила Левава. - Или Лисий, как его финны кличут. Варяжская перевалочная база.

На острове картина открылась суетливая: у гниловатых причалов толкались с десятков судов, от крупных пузатых кноров, до узких и длинных драккаров. Тут покрикивали на всех наречиях Севера, слышен был стук топоров и густой запах дегтя.

- Значит так, запоминай, - Лепавка схватила Самбора за ворот. - В глаза никому не пялься. За свой топор не хватайся. Если предлагают выпить за знакомство - пей, но спиной к стене. И следи за карманами. Мимо них мышью скользнул чумазый пацаненок. Лепавка отвесила ему легкий подзатыльник, и тот с шипением растворился в толпе. - Видал? Твой кошель примерял, - хмыкнула она.

- У меня нет кошель, — пожал плечами Самбор. - Я нищий.

- Вот и помалкивай об этом. Узнают, что с тебя нечего взять, — пырнут ножом просто от разочарования.

Они лавировали между тюками с пушниной и бочками со смолой, пока Лепавка не издала радостный клич: - А вот и наш борт в один конец! Эй, Гутторм! Здоровенько живешь? Старый ты морж!

У причала седой, со шрамами мужик с увлечением пинал застрявшую бочку. Услышав свое имя, он обернулся и расплылся в беззубой улыбке:

- Лепавка! Опять от кого-то бежишь? Или кого-то спасаешь? - он скептически оглядел Самбора. - Этот-то совсем хлипкий.

- До Каттегата двоих возьмешь? - перешла к делу Лепав. Гутторм почесал всклокоченную бороду:

- Возьму. Но кормить за красивые глаза не буду. Платить есть чем?

Лепава закатила глаза, порылась за пазухой и со вздохом вытащила тяжелую серебряную гривну. Гутторм ловко поймал серебро, попробовал на зуб. — Годится. Но работать будете оба. У меня пассажиров нет, есть только матросы.

- Договорились, — кивнула она.

Когда старый капитан отошел орать на грузчиков, Самбор тихо спросил:

- Откуда у тебя столько серебра?

- Сперла у одного жадного князя полгода назад, — легко призналась она.

- Теперь ты мне должен. Когда станешь великим воином, подаришь мне коня. Или хотя бы новые сапоги.

- Эй, парень! — гаркнул вернувшийся Гутторм, всучив Самбору здоровенную бадью с чем-то воняющим. - Будешь мазать привальный брус! А баба пойдет паруса латать, у нас там дыра с корову.

- Я тебе щас сама дыру сделаю, — ласково пообещала Лепав, но за иголкой пошла.

К вечеру Самбор здорово подуста, а смолой от него разило так, что слезились глаза. Лепава тоже выглядела не лучшим образом - пальцы исколоты, настроение паршивое.

- Всё, шабаш! - скомандовал Гутторм. - Идем в «Мокрую

крысу», пропивать аванс!

Таверна «Мокрая крыса» полностью оправдывала свое название: там было сыро, подванивало, и по углам кто-то подозрительно пищал. Лепава, растолкав местных завсегдатаев, плюхнулась за стол, где уже глушила эль команда Гутторма. Знакомила она Самбора с ними на ходу, тыкая пальцем: - Это Лют, он тупой, но сильный. Это Хельги, он спит с топором. Рыжего зовут Финн, к нему не поворачивайся задом. А тот длинный хмырь с постной рожей - Ивар.

Ивар смерил Самбора холодным взглядом:

- Говорят, ты к Рагнару плывешь. Зачем ты ему сдался, такой тощий?

- Дело есть, - уклончиво ответил Самбор, чувствуя, как от местной браги немеет язык.

- У Рагнара дела только с теми, у кого есть золото или армия, - заржал Лют. - У тебя что?

Самбор обвел взглядом ухмыляющиеся лица. Денег не было, статус был утерян, а впереди маячила неизвестность. Он тяжело вздохнул, встал и заорал поверх шума:

- Эй, корчмарь! Там у третьего причала лодка привязана. Считай, что она твоя в счет оплаты за этот стол! Гуляем!

Команда одобрительно загудела. Ивар только криво усмехнулся:

- Ты же отдал дырявое корыто, парень. — Пока корчмарь это поймет, надеюсь мы уже будем в море, - парировал Самбор, плюхаясь обратно на лавку под хохот викингов.

Левава пихнула его локтем в бок:

- Ну вот. Мосты сожжены, лодка пропита. Обратной дороги нет.

Самбор сделал большой глоток мерзкого, но крепкого эля.

- Завтра будет веселый день, - пробормотал он, глядя, как Лют уже пытается затеять драку с соседним столом. - Главное - до него дожить.

Глава: Первая миля

Рано утром команда была на кноре, а со свинцового неба накрапывал дождь. Вода в бухте была беспокойной, и корабль нервно подрагивал у причала, от небольших, но частых и крутых волн.

- На вёсла, гребцы! - проревел Гутторм, предварительно выдава угрожающий рев своим сигнальным рогом. - Выводим красавицу на чистую воду!

Самбор вцепился в тяжеленное весло, едва понимая, как с ним обращаться.

- Эй, парень! — крикнул Лют с соседней скамьи. — Ты что, бабу держишь, а не весло? Работай в такт с нами, загребай вместе и держи весла паралельно!

Волны, короткие и злые, подбрасывали корабль, то задирая нос к небу, то обдавая гребцов солёными брызгами. Самбор то отставал от ритма, то задевал своим веслом за соседне, за что тут же получал подзатыльник от сидевшего сзади Хельги.

- Если ещё раз уронишь темп - дам плетей! — проворчал

старик, сплёвывая за борт.

Левава, работавшая на корме с парусами, лишь усмехалась, видя мучения друга.

Когда наконец вырвались из бухты, Гуторм приказал поднять парус и корабль ожил, гордо разрезая волны.

- Теперь можно и передохнуть, — сказал Финн, вытирая брызги со лба.

- Если только наш малый не упадёт за борт от усталости, - язвительно заметил Ивар, бросая взгляд на дрожащие руки Самбора.

- Зато он старается, будет скоро настоящий викинг! - засмеялся Лют, хлопая парня по плечу. - Ну, почти викинг.

Самбор промолчал, растирая мозоли.

К вечеру ветер переменился, задув встречный, и парус пришлось убирать.

- Снова на вёсла! - скомандовал Гутторм. – Нам до залива грести - там ночёвка.

- Опять?! — простонал Самбор.

- Не нравится? — Левава склонилась над ним, ухмыляясь.

- Можешь выпрыгнуть и плыть рядом.

Гребля вдоль скалистого побережья оказалась не легче утренней. Волны били в борт, раскачивая корабль, а холодный ветер пробирался под одежду.

- Эй, кормчий! — крикнул Финн. - Ты уверен, что тут есть проход?

- А ты думал, мы просто камни целовать будем? - огрыз-

нулся старый моряк у руля, не сводя глаз с воды.

Корабль, словно по волшебству, скользнул между подводных камней, и вскоре перед ними открылся песчаный пляж залива Миэлалахти.

- Вот и пришли, — удовлетворённо произнёс Гутторм, когда киль коснулся дна.

- Ура, — буркнул Самбор, падая на спину.

- Не радуйся раньше времени, — сказала Лепавя, легонько ставя ногу ему на грудь. — Завтра будет ещё веселее.

Глава: Старый друг на острове Широком

Кнор Гутторма вполз в бухту острова Широкий. Весла шлёпали вяло — после целого дня перехода через открытое море даже закалённые гребцы едва шевелили руками.

- Ну хоть тут отдохнём... - кряхтел Лют.

Самбор, облепленный солью и мозолями, автоматически греб и безучастно смотрел на скалистые берега. Остров и правда был широким — бухта уходила вглубь, как раскрытые объятия, защищённая от всех ветров.

- Эй, Гутторм! - вдруг оживилась Лепавя, тыча пальцем в стоящий вдалеке у берега драккар. - Да это же "Морская Ведьма"!

Старый кормчий прищурился, потом оскалился в ухмылке:

- Ну конечно... Харальд не мог пропустить такую стоянку.

На палубе чужого корабля заметили их. Один из воинов, лысый и весь в татуировках, махал им приветственно рукой,

а когда кнор подошел крикнул:

— Гутторм-старый-черт! Давненько тебя не виделю. Наверняка с Лисьего идешь?

Гутторм кивнул.

- Рад тебя видеть морской волк! Откуда идете?

- С Трусом идем. Но хватить орать как бабы на рынке. Швартуйся рядом и ждем тебя в харчевне.

Глава Гусли, ножи и откушенные кружки

Харчевня «Три волны» встретила гостей ядреным замесом из дровянного дыма, уходящего в дыру в потолке, шкворчащего на углях мяса, вяленой рыбы и той неповторимой кухонной вони, от которой у любого бродяги щемит сердце и сладко сводит желудок. Самбор, едва волоча ноги от усталости, шел последним и умудрился-таки сослепу пропахать носом порог.

- Заруливай, Гутторм, старый ты пень! — громыхнуло из дальнего угла.

Там, занимая добрую половину стола, восседал лысый, как колено, поджарый великан с окладистой сивой бородой.

- Харальд Сивобородый... - Гутторм с размаху приземлил седалище на дубовую скамью напротив. — Ты прям как бывшая полубовница на свадьбе: появляешься исключительно тогда, когда тебя никто не ждет. Но я рад встрече!

Ярл вестфольдингов зашелся утробным хриплым хохотом, от души лупя кулачищем по столешнице, отчего запля-

сали глиняные плошки:

- А ты у нас — как селедочный рассол! Кислый, вонючий, и ни одно приличное застолье без тебя не обходится!

Пока старики обменивались любезностями Лют, не теряя времени, уже нес к столу здоровенный кувшин пенистого меда, а Лепава с чисто волчьим изяществом нацарапала себе из общего блюда приличный кусок жареной баранины и всю им хрустела.

- Так ты на Каттегат к Рагнару путь держишь? - Гутторм хитро прищурил один глаз.

- К нему, - Харальд припал к медовухе, шумно утирая усы. - Большой вик, говорят он замышляет. А вы какими судьбами?

- Да всё больше по купеческой части. Ну и вот, юного друга опекаем, - Гутторм мотнул головой в сторону притихшего Самбора. - Парнишка ищет, у кого бы занять мечей против ильменского князя.

- Ну так нам по пути! — Ярл снова грохнул кружкой, едва не расколов ее. - Мои головорезы как раз соскучились по твоим байкам, старый тролль. Нам веселые попутчики всегда надобны.

- Если твои орлы опять подрежут мои припасы, я эти байки буду рассказывать уже о том как утопил их в нужнике, - беззлобно проворчал Гутторм, но в глубине его глаз Самбор заметил явное облегчение.

Самбор жадно хлебал горячее варево. От меда, хриплого

хохота, запаха смолы и дыма на душе становилось щемяще тепло. Это место смутно напоминало ему дом. Тот самый, которого у него больше не было.

- Эй, сольвейг! - Лепави чувствительно ткнула его локтем под ребра. - Ты в миске-то не усни, захлебнешься. Завтра столько грести — до вечера не разогнемся.

После третьего кувшина медовухи усталость от долгого перехода как-то сама собой испарилась, уступив место хмельному задору. Лют, раскрасневшийся и блаженный, как майская роза, вдруг с грохотом поднялся на ноги:

- Лепави! А ну, яви честной компании свои скоморошьи таланты!

- Какие еще таланты? — Девушка удивленно вскинула брови, не переставая грызть кость. — Сдурел, бородатый?

- Да ладно тебе ломаться! — захохотал Гутторм, уже панибратски обнимая Харальда за могучие плечи. - Твой покойный батюшка, мир его праху, знатным был весельчаком. Помнится, хвастал, что ты на гусях жаришь и ножи мечешь лучше любого дружинника!

В углу харчевни, на ржавом гвозде, действительно уныло висели гусли — старые, потертые, с выщербленными струнами. Лепави секунду колебалась, а потом резко встала, с треском опрокинув скамью:

- Ну, держитесь, трезвенники!

Она сорвала инструмент со стены, небрежно ударила по струнам — и в кабаке разом смолкли даже самые заядлые

спорщики. Звуки полились чистые, звонкие, будто ручей по камушкам побежал.

«Ветер с моря дул ...»

Голос у Лепавы оказался на удивление мягким, глубоким — куда только делась ее привычная язвительная скороговорка! Самбор замер с открытым ртом, боясь даже вздохнуть, чтобы не спугнуть это нахлынувшее колдовство.

- А теперь - развлечемся! Кидаем ножи! - внезапно оборвала песню Лепавы.

Она с размаху повесила гусли обратно на гвоздь, крутанулась на пятке и единым махом выхватила из-за пояса три узких клинка. Три неуловимых взмаха тонкой руки — тык-тык-тык! — и сталь намертво впиалась в дубовый дверной косяк, образовав безупречный равносторонний треугольник.

- Ого! А сослепу слабо?! — крикнул какой-то захмелевший вестфольдинг.

- Слабо у тебя в штанах будет, когда когда понадобится! — огрызнулась девица, но вызов приняла.

Сорвав со стола чью-то сомнительной чистоты повязку, она плотно замотала глаза. Три новых ножа свистнули в полумраке. Тык! Тык! Тык! Клинки один за другим вонзились точно в ту же мишень, Как раз в сердце предыдущего треугольника.

- Вот это дева... — только и смог выдохнуть в крайнем изумлении Самбор.

- С разворота давай! — взревела толпа, уже почуявшая

кураж.

Левава крутанулась волчком, мелькнули огненно-рыжие косы, и последний, седьмой нож со звоном вонзился точно-хонько в самый центр уже заполненного треугольника.

Кабак взорвался утробным ревом и гиканьем. Даже угрюмый Ивар, которого, казалось, и концом света не удивишь, одобрительно крикнул и кивнул.

- Ну что, сольвейг? — Левава с разбегу плюхнулась обратно на лавку, бесцеремонно припав к кружке Самбора и отхлебнув добрую половину. - Хочешь, и тебя научу? Будешь белок в глаз бить. Ну, или собутыльников.

- Обалдеть... Левава! — выговорил парень, когда к нему вернулся дар речи. - Ты где ж так наловчилась-то?

Девушка ловко перехватила пущенный кем-то по столу кувшин медовухи, сделала три мощных глотка и утерлась широким рукавом. В зеленых глазах на миг промелькнула колючая тоска, но голос остался прежним - насмешливым и дерзким:

- А ты думал, я только парней по лесам пугать умею? Я, милый мой, с девяти зим с ватагой бродячих скоморохов ошивалась. Отец мой - упокой Велес его буйную голову - всю лихую братию водил по ярмаркам от Нево до самой Бирки.

Самбор заметил, как ее пальцы до белизны суставов сжались на рукояти оставшегося ножа.

- Это всё его наука, — Левава вдруг молниеносно выки-

нула руку вперед.

Нож со свистом вошел в столешницу аккуратно между растопыренными пальцами Самбора, едва не срезав ему заусенец.

- Батюшка всегда говаривал: «Дочка, в нашем ремесле либо ты удивляешь публику до икоты, либо публика бьет тебя смертным боем».

Харчевня снова грохнула смехом. Лют в восторге отбивал ладони, а покачивающийся от хмеля Гутторм шутливо ткнул локтем Харальда:

- Видал, старый хрен? Вот бы нам такую девку в дружину, вместо твоих волосатых обормотов!

Раскрасневшаяся Лепавя, поймав кураж, с ногами взлетела на стол, отчего глиняная посуда жалобно звякнула:

- А ну, служивые! Кто смелый? Дайте сюда любой тесак — покажу трюк, от которого у вас бороды поотваливаются!

Самбор, всё еще сидевший в позе окаменевшего суслика после броска «между пальцев», смотрел на нее снизу вверх совершенно дикими глазами. В груди ворохнулось какое-то новое, странное чувство. Это была уже не просто языкатая девка-попутчица, это было какое-то стихийное бедствие в юбке.

- Эй, Сольвейг! - Лепавя бесцеремонно пнула его носком сапога в плечо. - Хватит воронов считать, выдай мой клинок, что у тебя за поясом застрял!

Когда он протягивал ей рукоять, их пальцы на мгновение

соприкоснулись. Рука у нее была горячая и шершавая от мозолей, и как будто искра пробежала между их пальцами. Лепавка тоже это почувствовала и удивленно на него взглянула. А Самбор вдруг поймал себя на мысли, что готов сидеть в этой дымной дыре и смотреть на ее фокусы хоть до самого Страшного суда.

Лепавка же ловко подбросила нож Самбора, поймала его за самое лезвие и хищно прищурилась:

— Видали, как скоморохи в Бирке заезжих купцов до инфаркта доводили?

Договорить ей не дали все что то воодушевленно закричали и она резко закинула голову назад и сильным, выверенным движением запустила нож строго вертикально вверх.

В харчевне мгновенно наступила такая тишина, что было слышно, как в углу скребется мышь. Клинок долетел почти до закопченной потолочной балки, на мгновение замер в высшей точке, перевернулся тяжелой рукоятью вверх и понесся обратно. Острием вперед. Аккурат в лицо улыбающейся девице.

Самбор с диким воплем вскочил, с грохотом перевернув скамью. Лют застыл с открытым ртом, расплескивая мед. Даже Харальд Сивобородый подавился куском мяса и перестал жевать.

В самый последний миг, когда острие уже должно было войти ей между глаз, Лепавка просто моргнула.

Щелк!

Лезвие сочным стуком вонзилось в дубовый стол, пройдя в волоске от кончика ее носа. Две отрезанные рыжие реснички плавно опустились на деревянную поверхность, подхваченные легким потоком воздуха.

- Ну и дура... — шумно выдохнул Гутторм, хватаясь за сердце.

Левава медленно, с кошачьей грацией выпрямилась, аккуратно покачала засевший в дереве нож, вытаскивая его, и небрежно смахнула со лба одинокую каплю пота:

- Батюшка называл это «утренним бритьем по-словенски».

Она оглядела побледневшие, вытянувшиеся физиономии суровых воинов и покатила со смеху:

- Что, обмочились, герои? Да я с пяти зим этот фокус кручу, еще ни разу нос не укоротила!

И тут же, не дав никому опомниться, коротким кистевым броском запустила нож через весь зал. Тык! Клинок намертво пригвоздил к стене спелое яблоко, лежавшее на стойке трактирщика.

- А это - на закуску!

Зал снова взорвался - теперь уже матерной руганью, восхищенным воем и требованиями налить этой сумасшедшей за счет заведения. Самбор же молча потянулся к своей кружке, чтобы унять дрожь, и вдруг с изумлением обнаружил на дне глиняный осколок. Оказалось, в самый страшный момент он от ужаса так сильно сжал челюсти, что попросту от-

кусил край массивной кружки, из которой пил.

А Лепава стояла на столе, и ее глаза в неверном свете факелов блестели, как два зеленых осколка льда.

После такого представления раздухарились и остальные мужики. Каждому захотелось доказать, что его не на помойке нашли, и кабак превратился в арену для воинских фокусов. Кто-то гнул пальцами монеты, кто-то зубами поднимал бочки.

Не ударил в грязь лицом и Самбор. Решив доказать, что тоже не лыком шит, он натянул свой лук и трижды подряд всадил стрелы в подвешенную к потолку сушеную рыбину. И это при том, что Лют ради хохмы уже раскачал ее на веревке, как маятник.

- А ты хорош для сухопутной крысы! - Харальд Сивобородый с размаху вlepил парню такую затрещину по плечу, что у того чуть искры из глаз не посыпались. - А ну-ка, парень, хватай копьe да попробуй ткнуть меня как следует!

Самбор честно попытался. Однако, к его великому изумлению, ярл, несмотря на свои габариты и изрядное количество выпитого, с кошачьей легкостью сбивал все его яростные выпады своими голыми ручищами-куваладами.

- Стойку держи не так, - уже спокойнее произнес старый воин, перехватывая руки парня. - Древко хватай крепче, вот здесь. И удар направляй от бедра, а не от плеча, иначе тебя любой недобиток тебя на нож поднимет.

Самбор превратился в само уважение и старательность.

Он ловил каждое слово старого волка, до седьмого пота повторяя движения.

- На стоянках продолжим науку, - пообещал Харальд, удовлетворенно кивнув. - Из тебя выйдет толк, парень. Главное, дурь из головы выбить.

Тем временем Гутторм и Лют, решив, что в кабаке им тесно, перебрались во двор и устроили состязание по борьбе, собрав вокруг себя визжащую и делающую ставки толпу болельщиков.

- Слушай, старик, - Харальд вдруг резко посерьезнел и, ухватив Гутторма за локоть, отвел его в тень навеса. - У Гогланда шныряют какие-то драккары. Без знамен. Не наши парни. Так что ухо держи востро и топоры далеко не прячь.

Гутторм хмуро сдвинул кустистые брови, но тут же раскатисто рассмеялся, заметив, как неугомонная Лепава во дворе уже ставит свой заветный нож на кон в споре с каким-то огромным вестфольдингом.

Ночь обещала быть долгой и веселой.

Луна висела над бухтой, как начищенный серебряный щит, забытый кем-то из богов в черных, маслянистых водах. Костры во дворе харчевни потихоньку догорали, подергиваясь сизым пеплом. Самые стойкие из бойцов уже вовсю выводили носом рулады, раскинувшись кто на сеновале, а кто прямо на прибрежном песке, обняв верный топор.

Самбор сидел на краю скрипучей пристани, лениво свесив ноги над темной, дышащей прохладой водой. В ушах все еще

стонал кабацкий гул и звенели Лепавины шуточки, а натруженные мышцы приятно ныли после гребли и безжалостной науки Харальда.

- Чего не спишь, сольвейг? - тихий голос раздался над самым ухом.

Рядом легла легкая тень. Лепавка, успевшая скинуть тяжелую кожаную броню, осталась в одной простой полотняной исподней рубашке. Она беззвучно притерлась рядом на краю причала. Ее огненные волосы, распущенные на ночь, больше не были стянуты в тугий узел и пахли горькой полынью, речным туманом и костровым дымом.

- Слишком много всего... - тихо признался Самбор, не поворачивая головы. - Голова пухнет.

- Ха! Первый раз, что ли, в настоящую заваруху ввязался? - прыснула она.

Вода под их ногами мерно и усыпляюще плескалась о сваи. Где-то на мысу тоскливо и одиноко закричала ночная чайка.

- До этого только на охоту ходил, - Самбор замялся, подбирая слова. - На пару дней всего... Липа... Спасибо тебе. Ну, за то, что тогда... на Ореховом...

- Не будь болваном, — она коротко толкнула его плечом в плечо, но на этот раз в ее голосе не было привычного яда и ехидства. - Я просто... Ну, в общем, забудь.

Они одновременно повернули головы, и их взгляды встретились. В обманчивом лунном свете ее глаза казались со-

вершенно другими - не колючими зелеными стекляшками, а глубокими, темными и какими-то... беззащитными.

Самбор так и не успел сообразить, что к чему. Лепава вдруг подалась вперед - и ее губы коротко, почти невесомо коснулись его губ. Быстро и робко, словно крыло испуганного мотылька.

- Спи давай. Завтра из нас Харальд всю душу вынет.

Она молниеносно вскочила на ноги и растворилась в прибрежной темноте быстрее, чем он успел хотя бы моргнуть.

Самбор медленно поднял дрожащую руку и коснулся пальцами губ, где все еще горело это мимолетное прикосновение.

Где-то позади, у харчевни, тяжело заскрипели старые доски — может, Лют вышел освежиться после медовухи, а может, старый Гутторм в очередной раз пошел проверять, надежно ли привязаны лодки. Но Самбору сейчас было абсолютно все равно.

Он так и остался сидеть на причале, глядя на луну, пока та не начала бледнеть, уступая место робкому предрассветному туману. И только тогда, абсолютно счастливый и напроочь забывший об усталости, поплелся на судно - досыпать свои законные пару часов.

Глава. Первая морская битва

Проведя несколько дней в открытом море Самбор несколько адаптировался к походу, а его ладони стали покрываться новыми мозолями характерными для гребцов. Да-

же к периодическим волнениям моря он по привычке, а работа на веслах этому всячески благоприятствовала. Его уже не тошнило даже при сильном волнении.

«Кажется, я начинаю понимать этих моряков», - подумал он, наблюдая, как Лепавя ловко вяжет морской узел, вдыхая свежий воздух и наслаждаясь морской гладью до горизонта.

- Ну что, охотник, - подколола она, заметив его взгляд, - уже не так страшно?

- Ты еще возгордишься мною, - откликнулся Самбор, и в глазах его светилась теплота.

Когда же на горизонте показались серые скалы Гогланда, а их корабль взял в сопровождение военный драккар вестфольдингов, всем казалось, самое страшное позади.

Пока...

- Гутторм! – Лют, что в этот момент отдыхал на носу, внезапно вскочил, заслоняя глаза от низкого солнца. - Дракары!

Из-за островного мыса, словно две тени, выскользнули две длинные боевые лодки. Их белые паруса, туго натянутые, надувались ветром на фоне свинцового неба, вёсла били воду в чётком, зловещем ритме. Дракары им шли на перерез. И по расчетам Самбора, минут через 15-20 они должны будут с ними произвести встречу.

- Всем одеть брони у кого есть, приготовить оружие и быть готовым к бою! - рявкнул Гутторм, подтянув к себе поближе секиру. Левая рука его непроизвольно сжала молот Тора на

грудь. - Лепава, переберайся с луком и стрелами на корму! Лют, будь внимательнее, Самбор - возьми свой лук и запас стрел и к Лепаве на корму! Уходить не будем - догонят.

Самбор почувствовал волнение и у него пересохло во рту. Два боевых дракара против кнора и дракара Харальда это скорее всего поражение. И сейчас пойти на корм рыбам, когда его поцеловала Лепава и когда есть незаконченное дело с Рагнармом, как то совсем не с руки. Он посмотрелся этих золотоволосых гигантов раньше, еще в Любше. Их голубые глаза смотрели на мир с холодным, безжалостным превосходством.

- Что им от нас нужно? – тихо спросил он, нервно натягивая лук.

- Добыча и слава, - прошипела Лепава, уже натянув тетиву. – Они для этого живут.

Соседи вестфольдинги мгновенно среагировали. Их дракар развернул нос, заняв позицию между торговым судном и приближающейся угрозой. На их корме важно стоял Харальд Сивобородый в медвежьей шкуре и явно что то напевал.

- Слушай Самбор! - Гутторм впился пальцами в плечо Самбора. - Ты был охотником – Стреляй им под щит и в лицо. Но только по моей команде.

Самбор кивнул. Пальцы сами нашли знакомые зазубрины на древке лука. В ушах стучала кровь.

Дракары оказались свейские и они сближались с ними стремительно. Вскоре можно было разглядеть:

Бородатые лица воинов налегающих на весла.

Блеск кольчуг у некоторых.

Разноцветные круглые щиты с кожаной каймой.

- Готовься! - Лепавя уже выбирала цель – вон видишь рослого воина на носу ближайшего драккара?

Раздался оглушительный рог с корабля вестфольдингов.

В ответ свейские воины разобрали свои щиты.

Расстояние между кораблями сокращалось.

Сто шагов...

Пятьдесят...

Тридцать...

Самбор почувствовал, как дрожь в руках сменилась странным спокойствием и внимательностью. Всё стало удивительно чётким и даже замедленным.

Приготовиться! - закричал Гутторм.

Самбор глубоко вдохнул, поднял лук...

Тридцать шагов...

Двадцать...

Десять...

Свейские драккары внезапно замерли, вёсла взметнулись вверх. На носу переднего корабля, за стеной щитов, поднялся высокий воин в позолоченном шлеме.

- Я Эйрик, ярл Уппланда! — его голос гремел, как боевая труба. - Отдайте кнор и все что в нем — и никто сегодня не умрёт!

Гутторм плюнул за борт, не удостоив ответа. С кормы др-

аккара вестфольдингов раздался хриплый хохот:

- Эй Эйрик — Я Харальд Сивобородый и я не отдаю корабли друзей всяким проходимцам! — крикнул великан надевая шлем на голову.

Эйрик что-то рывкнул своим. В тот же миг за щитами свеев взметнулись луки.

— Щиты! — заорал Гутторм.

Стена дерева и металла выросла над бортом. Самбор прижался к ней, чувствуя, как в щит соседа впиваются первые стрелы — *тук-тук-тук*, как дятел по сосне.

— Лучники — бей в ответ!

Где то слышалось пение Харальда. Но все огласилось треском весел, воплями и командами воинов.

Левава выпустила стрелу ещё до команды. Её выстрел нашёл цель — свейский лучник рухнул за борт с торчащим из глаза древком.

— Неплохо для девчонки, — проворчал Хельги, целясь между щитов.

Самбор глубоко вдохнул, натянул тетиву — и выпустил. Стрела летела в лицо, но вонзилась в щит ярла, который он успел поднять.

— Кидай кошки! — раздался крик свеев.

Железные когти с грохотом впились в борт. Канаты натянулись, корабли с скрежетом пошли на сближение.

— Рубить канаты! — завопил Гутторм, размахивая топором.

Самбор бросился к борту, но тут первый свейский воин уже перемахнул через фальшборт. Золотоволосый гигант замахнувшись своим топором оскалился прямо на него...

Свеи полезли на борт, как бешеные волки.

- Один!

Лют, обрушил свой бродекс с такой силой, что древко от топора, которым свей попытался прикрыться от удара, с треском разлетелось на куски. Удар продолжился, вбивая шлем свея ему в голову и отбрасывая назад.

— За щиты, мальчишка!

Самбор откатился за спины своих, судорожно руками хватая лук и новую стрелу.

Борт торгового корабля действительно был выше — и это стало их спасением, по крайней мере на некоторое время.

— Метай стрелы в щели между щитами и в того кто на тебя не смотрит! — прохрипел Хельги, прикрываясь чужим щитом и накладывая стрелу на свой лук.

Самбор прицелился в узкий просвет между вражескими щитами...

Тень - звонко тикнула тетива!

Стрела вонзилась в шею рослому свею. Тот схватился за стрелу и рухнул за борт.

- Ещё! — Лепава выпустила свою стрелу — попала в подмышку следующему.

Но свеи не отступали. Раненые, истекая кровью, они лезли вперёд с яростными взглядами.

Десять минут ожесточенной драки.

Топор Гутторма разил либо противника, либо крушил его щит. Лют, покрытый кровью, рубил, как одержимый. Хельги метко стрелял из-за щита...

Пока не упал с торчащей из груди стрелой.

- Хельги!

Старик лишь хрипнул, судорожно сжимая лук. Лепава подхватила его стрелы.

Все же swei прорвались на борт и им пришлось отступить на корму.

Теперь защитников было девять. Кто то уже был ранен, в своей или чужой крови, все они сомкнулись у кормы в последнюю щитовую стену.

- Стрелы на исходе... - Лепава пересчитала боезапас — всего пять.

Самбор, пригнувшись за спинами щитовиков, сжимал копье, которое схватил когда закончились стрелы. Руки больше не дрожали — только пальцами щупал древко, норовя его поухватостее взять.

- Друзья... — Гутторм выплюнул сгусток крови из выбитого чьим то щитом зуба. — Умрём как воины и встретимся в Валгалле!

Лют уже со щитом, так как бродекс сломался, хрипло засмеялся:

- Там совсем не плохо, нужно только чтобы тебя взяли!

Сwei перегруппировались. Их оставалось два с половиной

десятка — против девяти.

Левава скрытно за спинами воинов натянула тетиву...

И в этот миг свейский ярл вышел вперед чтобы что то сказать. Но не успел. Стрела Лепавы попала ему прямо в левый глаз. Ярл сразу и упал на руки своих воинов. У свеев наступила некоторая растерянность растерянность. И в тот момент когда они собрались отомстить за своего ярла, корабль вздрогнул от удара.

Раздался звук боевого рога.

Это дракар вестфольдингов врезался в борт свеев с другой стороны!

- Харальд! - Закричали за спиною у свеев.

Свеи обернулись — и их строй дрогнул.

— Наши! – пророкатал Гуторм.

Этого было достаточно.

- Ну вот, - рассмеялся Лют — теперь у и них проблемы.

Свеи замерли в нерешительности. А в этот момент с корабля Харальда Сивобородого, несколько потрепанного и с поломанными веслами, но почти с полным экипажем, вестфольдинги быстро перебрались на свейский дракар, оттесняя нескольких свеев к кораблю Гуторма, остальные, уже находились там.

— Бросайте оружие! — прогремел голос вестфольдинга.
— Жизнь — в обмен на жизнь!

Молчание.

Первый свейский щит с грохотом упал на палубу. Затем

второй. Третий...

— Мы сдаёмся, — пробурчал один из воинов, бросая свой топор.

— Мудрое решение, — кивнул Харальд, переступая через борт.

Самбор опустил копьё, вдруг ощутив страшную усталость.

- Ты... ты их отпустишь? — недоверчиво спросил Гутторм у подошедшего Харальда.

Тот оскалился в улыбке, обнажая кривые зубы:

- Обещал же. Но... - он повернулся к своим, — без оружия и доспехов. И на Готланде. Дракары заберу себе.

Свои зароптали, но делать было нечего.

- А теперь, - пробасил Гутторм - убираем тела своих в одну сторону и наших в другую. Кому нужна помощь — перевяжите и помогите.

Лют засмеялся, а Лепава плюхнулась на палубу, подбирая растрепанные волосы.

- Ну что, герой, — она посмотрела на Самбора, — теперь ты настоящий воин.

Он лишь молча кивнул и приобнял ее, глядя на заваленную убитыми и ранеными палубу. Теперь все растаскивать тут придется.

Гутторм, перевязывая окровавленное плечо, прищурился на Харальда:

- Стало быть, старый хитрец, объясни - как твои вестфоль-

динги оказались у них за спиной? Я видел, как на вас заходил другой драккар!

Харальд, сидя на опрокинутой бочке, усмехнулся, обнажив кривые зубы:

- Первый драккар? Оказался полным бондов, да дренгов. Молодняки и мирняк в рваных кожанках и телогрейках с плотницкими топорами.

Он плюнул в сторону потрепанного свейского судна, где вестфольдинги снимали с убитых все что на них было ценного и кидали мертвецов за борт.

- Сидели, как мыши под метлой, ждали, пока Эйрик тебя возьмёт на абордаж. Чтобы потом хоп! — и ударить на меня с двух сторон.

Самбор, вытирая окровавленное копьё, прислушивался, не смотря на усталость.

- Вот я и решил... сам на них пойти.

Харальд сделал жест, будто режет горло:

- Мои парни в кольчугах - против ободранцев? Ха! Эти бонды даже щиты толком не воспользовались, как только мы пошли вперед. А потом, они быстро закончились...

Он встал, изображая манёвр руками:

- мы развернулись — и через корму Эйрика вышли к его борту! Его сторожа не успели даже глазом моргнуть.

Левава, перевязывающая рану Люта, фыркнула:

- Значит, твоя "Морская Ведьма" - это старый волк, который знает, где у оленя слабое место и бьет туда.

- Именно так, девонька! — Харальд громко хлопнул себя по бедру. - А теперь, Гутторм, давай мертвецов - в море, раненых обслужить. - Еще проблема - задумался он – сформировать команды на захваченные лодки, впрочем у нас же пленных навалом.

Самбор смотрел, как в морские волны кидают трупы с борта, в том числе тех с кем вчера он сидел на скамье гребца. Сегодня он узнал новый урок: даже в безнадежном бою побеждает не сила, а умение ударить куда следует в нужный момент, вовремя подоспевшая помощь и конечно расположение Богов.

Глава: На Гогланде

Гогланд встретил их песчаным пляжем бухты Сууркюлян-Лахти, одним свободным пирсом и высоченными соснами на берегу. Четыре корабля - потрёпанная торговая "Чайка" Гутторма, боевая "Морская Ведьма" Харальда и два призовых дракара — стали на отмели, сняв паруса и привязав носы к ближайшим деревьям.

На Гогланде продолжились тренировки Самбора с Харальдом Сивобородым. Тот явно заметил молодого парня.

- Рубить нужно без замаха, но сильно, колоть так же без замаха и как змея! - голос Харальда гремел над каменистым пляжем, где они тренировались.

Самбор, старательно, повторял движения:

Стойка- левосторонняя - древко копья у бедра и чуть в сторону, остриё направь на глаза противника.

Парируй копьём – другое копьё через формирования креста. Как с нижней стойки так и с верхней.

Удар "Коса" - рубящий по ногам

- Видал? - Харальд ткнул пальцем в зарубки на своём древке. - Дренг думает, что копьё - только для тычка. А ты ему — шрах! — по лодыжке пониже щита! И сечешь ему ногу.

Самбор попробовал — но деревянное древко его тренировочного копьё со скрежетом прошло по щиту, впрочем застав Харальда сделать шаг назад.

- Ха! Из тебя выйдет воин!

Левава, сидя на камне и лениво метая ножи в ближайший дуб произнесла:

- Только не захваливай, а то он ещё решит, что уже конунг!

Харальд, вытирая пот, вдруг понизил голос:

- Между нами, мальчик... - он кивнул вглубь острова, где темнели скалы. - Здесь саамы камни кровью поливают и жертвы приносят. А в тех пещерах... - он многозначительно постучал по кольчуге, - говорят, серебро лежит. От разграбленных кораблей.

Самбор насторожился:

- Мы пойдём искать?

- Нет! - старый ярл потрепал его по плечу. - Сперва научись копьём рубить так, чтобы успевал попадать. А потом... может, и сходим туда.

Вдалеке, у скал, поднимался дымок - то ли костёр, то ли жертвенник.

Между тем оба дня, на берегу кипела работа и все чем то полезным занимались:

Например - Лют с двумя вестфольдингами вырубали топорами новую доску для борта «Чайки» из рещечённого свейскими копиями.

«Лепесточки летят!» - ворчал Гутторм, наблюдая, как стружки летят из-под их топоров.

Самбор и молодой вестфольдинг по имени Эйвинд строга-ли новые вёсла. Ножи скользили по сосновым заготовкам, оставляя желтоватые завитки стружки.

- Видишь сучок? - тыкал пальцем Эйвинд. - будь аккуратен - весло сломается при первом мощном гребке.

Левава, скривившись, забивала паклю в щели между досками, потом заливала горячей смолой.

- Фу, вонь как в дегтярной яме! — морщилась она, но работала быстрее всех.

Харальд лично плел новые канаты из конопли.

- Морские узлы нужно уметь вязать, - поучал он Самбора. - От обычных они отличаются тем что их так же быстро можно развязывать.

К вечеру у костров закипала уха из пойманной трески. Самбор, глядя на отремонтированные корабли, неожиданно поймал себя на мысли - эти три дня тяжелой работы и тренировок принесли ему странное удовлетворение.

Солнце садилось за скалами, окрашивая море в медные оттенки, когда Самбор и Лепави ускользнули от общего ко-стра.

- Ну что, сольвейг - Лепави прыгнула с пригорка на песок, - опять провожаешь меня, как сторожевой пёс?

- Нет - Самбор, спотыкаясь о корень, едва не налетел ей на спину - я... э-э... проверяю, нет ли в этих лесах саамских духов, вдруг тебя украдут!

Она рассмеялась, и этот звук смешивался с шумом прибоя.

Гуляя вдоль берега:

Лепави показывала, как находить съедобные ягоды и янтарь.

Самбор рассказывал нелепые байки про лесных троллей
Оба смеялись над тем, как Лют сегодня утром упал в смо-лу

- А вот и наш трон - Лепави пнула выброшенный штормом ствол. Они сели, наблюдая, как волны бьют о большие камни.

- Знаешь, почему я действительно пошла с тобой? - она неожиданно серьёзно посмотрела на него - Ты единственный, кто не спрашивает, - почему девчонка с луком и ножами бродит и еще... цели у нас с тобой одинаковые.

Самбор подобрал плоский камень, запустил его по воде — пять прыжков!

- А я потому что - он ухмыльнулся - С тобой хорошо дружить и не только. А еще твои лисьи глазки и ты красна де-

вища.

Их руки потянулись друг к другу и пальцы соединились.

У костра их встретили криками:

- Ага! Голубки вернулись! — орал Лют.

- Мы просто... - начал Самбор.

- Искали саамские сокровища! - перебила Лепавя, швыряя в Люта крабовой клешней.

Той ночью Самбор засыпал с улыбкой, вспоминал объятия Лепавы и не чувствовал усталости от дневных трудов.

Утро на Гогланде встретило их свежим соленым ветром и криками чаек. Самбор решил прогуляться до ветру и еще был полон сладкой дремоты и тепла от вчерашних слов и рук Лепавы, как вдруг на его пути выросла широкая, как дуб тень. Это был Ульф Кривоногий, хирдман Харальда. Его глаза, маленькие и колкие, как у борова, с ненавистью впились в Самбора.

- Оглянитесь, братья! - гаркнул Ульф, чтобы слышали все кто находился рядом. — щенок тут лес наметил нам портить! Или ты, славянский червь, думаешь, что твоя сопливая нежность стоят того чтобы портить тут воздух? Я шрамы в битвах получал не для того чтобы нюхать твой кал.

Самбор ощутил, как по спине бегут мурашки, но отступить не мог. Уступить – сразу потерять статус и воином ему уже не быть.

- Твои шрамы говорят лишь о том, что ты плохо пользуешься щитом, Ульф, - ответил Самбор, заставляя голос быть

ровным. — А свое лицо я ценю. И если у некого борова грива свалялась от зависти, то советую вычесать ее, а не рычать на тех, кто чище тебя телом и прямее ногами!

Вокруг раздался сдержанный хохот. Ульф побагровел. Он плюнул к ногам Самбора.

- Прямее ногами? Да я на своих кривых доходил до самого Миклагарда дотопал, в то время как ты еще под стол шагал! Твои прямые ноги щепка, которую я одним щелчком переломаю! Твоя речь пустая трещотка, в которой ветер воет! А твоя храбрость - как у зайца, который волка облаивает из-за куста! А вот выходи ка ты на хольмганг, коль не трус! Посмотрим, как ты запоешь, когда мой топор запоеет у твоего уха!

- Принимаю твой вызов! - не сдавался Самбор. - Но не по твоим уставным правилам, а по вольным! Будем биться так, как выберем!

- Хех! Только этого и ждал! - обрадовался Ульф. - Выбери свое убожество. Я тебя не убью. Может, на память руку или ногу отшибу, чтобы девчонки на калеку не заглядывались!

Харальд Сивобородый, наблюдавший за этим, мрачно вздохнул. Правила есть правила. Он кивнул: - Пусть будет поединок, вольный. Заодно, проверим удачу юнца.

Левава, бледная от ярости и страха, прошипела Самбору на ухо: - Если он тебя покалечит, я ему все стрелы в задницу воткну, чтобы он на своих кривых ногах стоя какал!»

Замысел Самбора был прост и отчаянен, как ловчая петля охотника. Он знал, что в чистом бою на щитах ему не выстоять. Ульф сильнее, опытнее, закован в свою опытность и уверенность. Но он и самонадеян. Самбор выбрал не меч и щит, а крепкое копье, словно на медведя, и свой верный боевой нож. «Охотник за дичью», — пробормотал он.

Когда они сошлись на кругу, Ульф лишь презрительно хмыкнул:

- Что, славянин, решил меня, как кабана, на рогатину поднять? Давай, попробуй, повесели меня перед завтраком!

План был в том, чтобы спровоцировать Ульфа на один, определенный хоть и яростный удар. Самбор сделал несильный, почти робкий укол рогатиной в ногу. Ульф, смеясь, легко отбил его щитом и, как и ожидалось, тут же рубанул низко и мощно, целясь топором в ногу, чтобы сразу обездвигнуть противника! Но Самбор ждал этого. Вместо отскока он резко рванулся навстречу удару, воткнув древко рогатины в землю у самой правой ноги Ульфа, поставив его под удар!

Раздался оглушительный стук - древко топора Ульфа с силой ударилось в прочное дерево копья, отскочив от него. А Самбор, используя древко как шест, оказался вплотную к щиту ошеломленного викинга.

Это был единственный миг. Пока щит Ульфа был прижат к его телу, а горло относительно открыто. Самбор, молниеносно, сверху, поверх щита, всадил свой короткий нож пря-

мо в незащищенное горло противника. Тот лишь издал удивленный, захлебывающийся хрип.

Щит Ульфа с силой отбросил Самбора прочь. Он едва устоял, но собрался, ожидая новой атаки. Но Ульф лишь стоял, покачнулся, сделал пару шагов смотря на Самбора пустыми, непонимающими глазами, и рухнул ничком на землю.

Наступила гробовая тишина, нарушаемая лишь свистом ветра и тяжелым дыханием Самбора. А потом Харальд громко рассмеялся, нарушая напряжение: «Вот так охотник! Копье свое как щит использовал! Чистая удача и хитрость!» Гуторм одобрительно хлопнул Самбора по плечу. Поздравляли почти все, кроме пары мрачных дружков Ульфа.

Лепава, не стесняясь, обняла его.

- Я же говорила, что ты не только удачливый, но и хитрый, как лис - прошептала она, а сама подрагивала от нервного напряжения.

Самбор смотрел на затихающее тело Ульфа и понимал, что детство его окончательно кончилось. Но за право идти дальше с ней, под парусами навстречу судьбе, он заплатил бы и не такую цену.

Наступил вечер залетали вокруг комары, повеяло прохладной. Пламя костра периодически освещало лица викингов, собравшихся вокруг дымящегося котла с вареной рыбой. Самбор, устроившись на корме вытащенного на берег драккара, с наслаждением осматривал свой трофейный топор напевая старинную боевую песню.

Внезапно тень накрыла его. Это был Харальд Сивобородый

- Ух, и рвение же у тебя, парень! - громко рассмеялся ярл.
- Поешь, будто завтра всем скопом идти на Ёрмунганда собираемся. Брось на время, послушай сказание.

Самбор отложил камень, уважительно кивнув:

- Сказанию всегда рад, особенно из уст такого мужа, что служил в самой гвардии варангов в Миклагарде. Что за история?

Харальд уселся на бочку, его глаза блеснули в огне.

- Слышал я ее от старого друнгария в Царьграде. И поведал он мне историю, записанную эллинским мудрецом Плутархом. О юноше из Спарты, по имени Исад, сын Фебида.

Он сделал паузу.

- Был тот Исад силен, высок и прекрасен, как молодой дуб. Враги напали на его город. И вот что сделал этот безумец! Он выскочил из дома совершенно нагой, натертый маслом! Держа в одной руке копье, в другой меч и он один бросился в гущу врагов!

Харальд встал, его голос зазвучал громче.

- Он повергал наземь всех, кто выступал ему навстречу! Ни одна стрела не коснулась его! Может, божество хранило

его, а может, враги приняли его за духа войны! Говорят, старейшины сперва венком его наградили, а потом оштрафовали на тысячу драхм за то, что он вышел на бой без доспехов!

Харальд громко рассмеялся.

- Но суть не в этом. Суть в духе! Не в железе, а вот здесь! — Он грубо ткнул себя кулаком в грудь и приложил палец ко лбу. - Ты сегодня пренебрег щитом. Ты пошел на риск, как тот спартанец. И победил. Топор и копье - это интересное сочетание. Хочешь, научу ими в паре работать? Сделаю из тебя такого бойца, что сам Исад позавидует!

Самбор выпрямился. Он на мгновение задумался, подбирая слова, а затем произнес четко и ясно, слагая вису:

- Слышал я от тебяо Исаде-спартанце,

Смелом воине, что голым бился.

Меч и копье в руках его как молнии били,

Страх врагам принося, а спартанцам - хвалу.

Не доспехи на теле, дух его щитом был,

И за подвиг он венец получил, за нарушение же - штраф!

- Прими меня ярл, в ученики. Я хочу быть как Исад и как ты.

Харальд слушал, сначала с усмешкой, потом серьезно. Когда Самбор закончил, старый воин одобрительно хмыкнул.

- Ну что ж, не только рука у тебя тверда, но и язык подвешен почти как у скальда! Ладно. Принимаю я тебя в ученики, воин обоерукий! С завтрашнего утра продолжим наши тренировки. А теперь давай мне мой рог! Выпьем за греческих берсерков, за старых как я учителей и за новую вису, что сложил наш лесной волчонок!

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.